

Борис Носик

# Турпоход



Часть сборника  
*Смерть секретарши (сборник)*



# Борис Михайлович Носик

## Турпоход

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=6087783](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6087783)*

*Борис Носик. Смерть секретарши. Повести: Текст; Москва; 2007*

*ISBN 978-5-7516-0648-5*

### Аннотация

"...Зенкович приехал отдыхать. Врач сказал, что ему надо «отдыхать по-настоящему», не брать с собой никакой работы. Желательно даже не брать книг. И Зенкович растерялся. Куда ехать? Как? Зачем? На помощь неожиданно пришел школьный приятель, работавший где-то в военном ведомстве. Приятель сказал, что у вояк до черта разных санаториев и турбаз по всему берегу Крыма и Кавказа, так что можно будет в любой момент... Санаториев Зенкович пока не хотел, боялся, оставлял их напоследок, так что он остановил свой выбор на турбазе..."

# Борис Носик

## Турпоход

Белый дворец стоял над морем, на крутом обрыве. Его стены были испещрены арабской вязью, узкие арки тянулись по всему фасаду, и над мавританским куполом маячил легкий минарет. Те же вязь, резьба и белая лепнина украшали интерьер, мешаясь там, еще более небрежно, с полдюжиной европейских стилей. В общем, это была типичная крымская «альгамбра» начала века, та самая, что на всю жизнь задает отдыхающей массе представление о прекрасном и древнем.

Зенкович вышел из автобуса, взглянул на дачную «альгамбру», построенную под занавес кем-то из великих князей, на тенистый двор, кипарисы, цветы, на синее море внизу под обрывом и признал, что это недурно. Очень и очень недурно. Может, чуток слишком картинно, но кипарисы-то все же настоящие. И магнолии настоящие. И тамариски настоящие, и горы. Да и дворец – в конце концов, сам хан не построил бы лучше, не смог бы построить лучше, не смог бы построить с большею восточной безвкусицей: вон стоит же Бахчисарай как образец этой неги и безвкусицы... Нет спору, чуток обрыдло, поскольку видишь эту роскошь на всех рекламках сберкассы («В сберкассе деньги накопила, путевку на курорт купила»), однако приятно после города, красиво, ничего не скажешь, даже сладостно... Отдых...

Зенкович приехал отдыхать. Врач сказал, что ему надо «отдыхать по-настоящему», не брать с собой никакой работы. Желательно даже не брать книг. И Зенкович растерялся. Куда ехать? Как? Зачем? На помощь неожиданно пришел школьный приятель, работавший где-то в военном ведомстве. Приятель сказал, что у вояк до черта разных санаториев и турбаз по всему берегу Крыма и Кавказа, так что можно будет в любой момент... Санаториев Зенкович пока не хотел, боялся, оставлял их напоследок, так что он остановил свой выбор на турбазе...

Он вдохнул запах моря, кипарисов, цветов, разогретого асфальта и решил, что да – он будет отдыхать, отдыхать.

Новичков срочно повели на обед, и столовая радовала глаз. На белоснежных ее стенах тоже была арабская вязь, на столах – чистые скатерти. Да и еда оказалась приятной. Во всяком случае, не такой мерзостной, как он ожидал. А чего можно ждать от столовой, он знал.

После обеда их распределили по комнатам. Зенкович был направлен в палату <sup>1</sup> 20, расположенную в самом большом и наиболее мавританском из старых корпусов. Двадцатая палата служила, наверное, в старину столовой или бальной залой. Даже трудно было сказать, для каких нужд использовал ее в те царственные времена великий князь, ибо ныне в ней стояли семнадцать коек, отделенные друг от друга полуметровым проходом и тумбочкой. Зенковичу отвели шестую койку слева, и он тяжело опустился на нее, все еще на-

деясь, что кто-нибудь окликнет его сейчас и скажет, что это была глупая шутка. Если хотите, казарменная шутка. Впрочем, других новичков это обилие коек, кажется, не смутило. Среди них уже шли разговоры о здешнем питании, о камере хранения, куда велели сдать все лишнее, а также все ценные вещи, и о каком-то продмаге, который закроется по случаю воскресенья то ли в шесть, то ли даже в четыре.

Чтоб отбить мерзкое воспоминание о казарме, Зенкович, грубо нарушая правило, улегся в ботинках на койку и стал глядеть в потолок, покрытый таинственными арабскими надписями. Аллах ведает, о чем они просили Его, эти надписи... Зенкович думал о том, что имущие классы прошлого подложили победившему пролетариату свинью в форме огромных квартир и дворцов с просторными залами. Ибо в огромные квартиры вселились огромные коллективы, создав единственный в своем роде земной ад, названный коммунальной квартирой. А во дворцы... Один Аллах ведал, что следовало делать с дворцами. Все-таки эти люди могли быть дальновиднее. Могли бы оставить нам в наследство жилища, поделенные на малогабаритные ячейки. При их-то возможностях. Или они уже тогда мечтали о коммуне и коммуналах?

Зенкович взял плавки и пошел к морю. Море было синее и все сплошь состояло из соленой воды. На первый взгляд оно не отступило еще перед натиском. Оно оставалось незыблемым, хотя и зыбким, оплотом природы. Зато скалам все

же пришлось обратиться к услугам прогресса. Здоровенные парни в тренировочных костюмах вбивали в скалу клинья арматуры и заливали ее бетоном, чтобы сделать скалы вечными. Видно было, что люди решили обосноваться в Крыму навечно.

Справа и слева от пляжа, сверкая на солнце, водопадами низвергались в море какие-то неизвестные Зенковичу речки.

– Вон там – что за река? – спросил наш любознательный герой.

– Это не река, – сказал бронзовый матрос спасательной службы. – Это канализация. Там над нами по берегу санатории, тыщ на пятнадцать отдыхающих. Все жрут, а сюда идет... Ништяк. Все в море будет.

Плечистый мужчина вышел из воды, фыркая и отплеываясь. Зенкович невольно посторонился. Он смотрел теперь на море с особой взыскательностью. В зеленовато-синих валах Эвксинского Понта ему стали чудиться коричневые полутона.

Транзистор пел на пляже голосом Мулермана. На минарете громкоговоритель, точно муэдзин, ответил ему голосом Кобзона. Зенкович осознал, что вступает в счастливую страну Курортландию. Он был на радужном побережье профздравниц, шумных и разноголосых кузниц здоровья, в стране, которую лишь по какому-то недоразумению, а может, и по наитию ему удавалось обходить стороной всю сознательную жизнь. Теперь ему предстояло вырубить себе в

этом веселом и яростном мире собственную экологическую нишу – или погибнуть. Он вдруг понял, как ему еще хочется жить, и отметил при этом, что отдых, вероятно, уже сыграл свою положительную роль, пробудив в нем эту неукротимую жажду жизни. Без этой жажды ему, например, ни за что было не одолеть бесчисленные ступени лестницы, выводившей из преисподней пляжа на крутобережье спальных корпусов.

Двадцатая палата больше, чем когда-либо, напоминала сейчас казарму в часы «личного времени». Разновозрастные мужчины в длинных трусах слонялись между койками, ища применения своей освобожденной энергии и трудовым навыкам. Зенкович надменно взглянул на неприкаянных обитателей комнаты, вздохнул, вспоминая запреты врача, и вытащил из сумки толстый французский роман. Однако уже вскоре он убедился, что его чувство превосходства лишено было всякой почвы. У этих людей, так потерянно бродивших среди коек по территории бывшей танцевальной залы, было великое спасительное средство, доступное и беспримысленное, как воздух. Застигнутые врасплох досугом, они немедленно обратились к этому средству и уже предвкушали начало нового сабантуя. Ощущалось, что отдых этих людей с неизбежностью должен обратиться в непрерывное пиршество. Краем уха Зенкович слышал, что первая экспедиция, отправленная за водкой («и что-нибудь, чуть-чуть на закуску, какую-нибудь ерунду»), уже находилась в пути. Вторую снаряжали в дорогу.

Зенкович получил первое, пока еще не очень навязчивое, предложение «скинуться» и покинул палату. Нет, нет, герой наш не «брезговал», и ему не жаль было рубля. Беда его (и немалая) заключалась в том, что он был непьющий...

Скамья под обрывом была свободна. Море мирно плескалось внизу о натуральный кусок скалы, производя при этом белую и вполне натуральную пену. Под ногами у Зенковича цвело что-то пахучее и прекрасное. Приходили на память экзотические, хранимые втуне названия – гледичия, глициния, текома, крокус... По пляжу, внизу, под обрывом прошла женщина в желтом купальнике, вызвав в душе Зенковича неясное, почти возвышенное томление. Хотелось думать, что женщина эта неглупа, и красива, и недоступна. Праздные мечтанья Зенковича облеклись в форму диалога. Он мысленно вел разговор с незнакомою женщиной. Она показалась ему простой, интеллигентной, глубокой. Не менее фантастической личностью был и второй участник диалога, воображаемый Зенкович, который был гораздо находчивей, сдержанней и остроумней реального. Последний с грустью отмечал этот разрыв, эти, как любят говорить редакторы, «ножницы»...

Смеркалось. За кипарисами вдруг грянула музыка. Играл какой-то вполне современный, вполне западный и вполне провинциальный оркестр. У не танцующего Зенковича сладко защемило сердце, точно он был десятиклассница, спешащая на зов танцплощадки по темной аллее горпарка. Тан-



цы! Значит, нынче будут танцы, танцы-шманцы. Будет очень медленное танго, белое танго, и какая-нибудь застенчивая интеллигентная женщина, может, та самая, в желтом купальнике, пригласит Зенковича танцевать и скажет при этом что-нибудь тонкое, ироническое. Понимая всю ложность их дурацкого положения, а также необходимость преодолеть пороги этих первых трех-четырех ничего не значащих фраз. Но потом они забудут эту первоначальную неловкость: они будут говорить так, словно они уже сто лет знакомы, потому что они люди одного уровня (конечно, она по-своему, по-женски выдерживает уровень, с нее в общем-то взятки гладки), точнее даже, одного круга, хотя какие в наше время могут быть круги... У них начнется такое вот ни к чему не обязывающее знакомство, которое поможет им преодолеть скучную процедуру, называемую отдыхом, а может – как знать? – внесет в их жизнь нечто новое и даже неизведанное, была же вот здесь неподалеку, в Ялте, какая-то инфантильная дама с собачкой... Таким мыслям, вполне на уровне музыки, он предавался в течение получаса, а разогрев себя до решимости, занес книгу в двадцатую палату, где стоял уже вполне вокзальный гам пьяных голосов, и отправился на танцы.

Увы, танцы редко оправдывают возлагаемые на них надежды. Битый час Зенкович простоял у стены, добросовестно притворяясь заинтересованным, с видом эдакого этнографа, изучающего смесь шейка, рока, лезгинки и вятской топотуны, которую с энтузиазмом демонстрировали мест-

ные подростки и молодые курортники. Тонкая, простая, интеллигентная женщина так и не пришла в тот вечер на танцы. Может, она еще просто не приехала в Крым. А может, она выбрала менее обжитой и более элитарный Восточный Крым, и где-нибудь на коктебельской набережной под эгидой Дома творчества письменников ей сейчас пудрил мозги более удачливый коллега Зенковича. Ни одно из этих предположений не облегчило участи Зенковича, которому предстояло несолоно хлебавши отправляться в свою двадцатую палату, так идеально оборудованную для веселия, что пессимистический основоположник оптимизма в поэзии только бы диву давался, получив здесь любую по счету койку. Веселие было в полном разгаре. Молодой громкоголосый мужчина, принявший немалую дозу чего-то крепкого, рассказывал, какие они откалывали хохмы у себя в Краснопролетарском офицерском городке в том памятном году, когда командиром полка был Петрущенко, а замполитом этот, как его, Дгацпхаев.

Зенкович лежал, крепко закрыв глаза, считал про себя до трех тысяч восьмисот сорока восьми и тщетно пытался уснуть. Потом, преодолев природную незлобивость, благоприобретенный гуманизм и обязательства патриота и воина запаса, пожелал скорейшей, мучительной смерти громкоголосому соседу, командиру Петрущенко, замполиту Дгацпхаеву и всему гарнизону Краснопролетарского городка...

Яркая лампа, горевшая прямо у него над головой, в кон-

це концов все же погасла, голоса притомились, стали тише, и Зенкович начал уже засыпать, когда в ближайшем к нему углу вдруг вспыхнула шумная ссора. Спорили о том, с какого числа было введено звание прапорщиков, какая из легких машин хуже и еще — кто сегодня сколько внес на водку. Не исключено, что именно последний вопрос лежал в основе других разногласий, однако спор в конце концов все же сосредоточился на машинах... Оставив тщетные попытки уснуть, Зенкович вышел во двор помочиться, покурить в одиночестве под кипарисом, наконец, просто отдохнуть от шума.

Вот тут, во дворе, на скамейке, он и встретил Надю. Это была она, та самая интеллигентная женщина, которую он тщетно звал весь вечер из мрака профздравницы. Правда, она была чуть моложе, чем он представлял себе, чуть ниже ростом и, пожалуй, даже чуть полнее, и все же она была ничуть не хуже, чем та абстрактная представительница лучшего пола, которую он намечтал за сегодняшний день над морем. Надя была тупоносенькая (что само по себе прекрасно), розовощекая и голубоглазая. Пожалуй, на более придирчивый и взыскательный взгляд, чем взгляд Зенковича (давно уже различавшего женские лица не по отдельности, а целыми группами и подгруппами), лицо ее было несколько грубоватым и даже простонародным для роли «незнакомой интеллигентки». Однако и на этот более взыскательный взгляд она все же выделялась в массе организованных туристок — то

ли какой-то большей умытостью и ухоженностью, то ли спокойной, можно было бы даже сказать, привычной манерой носить джинсовый костюмчик (скорей всего, польский, но может статься, и из валютного магазина). Зенкович не мог бы точно определить, что стояло за этим ее отличием от других туристок. Может, дело было всего-навсего в том, что она купила путевку за полную стоимость, а не взяла ее после долгих пререканий за треть цены в местком. А может, и в том, что она была замужем...

Все разъяснилось, впрочем, в первые же пять минут разговора (а они просто не могли не разговориться, оставшись наедине, ночью, в пустом дворе, близ бубнящей стокоечной террасы).

– Так жарко! Просто не могу уснуть, не выкурив на ночь сигарету...

– Черт знает что! Столько народу у меня в палате. Семнадцать коек!

– А я люблю сидеть ночью среди кипарисов. Я мечтаю, мечтаю... Я вообще выдумщица...

– Воздух в помещении спертый, пахнет винищем, говорят Бог знает о чем, о каком-то Петрущенко.

– А я люблю отдыхать в деревне, у моей мамы, в Томилине, там такой воздух, такой воздух...

Надя окончила институт; она знала французский язык, второй, испанский, хуже; она была замужем и жила «в самой Москве»; она была родом из подмосковного Томили-

на (остатки природы, остатки воздуха и подмосковный комплекс неполноценности, который приводит к неизбежному переселению – любой ценой – в близлежащую столицу)...

Зенковичу нетрудно было настроиться на нужный лад. Они поговорили немножко о чистом воздухе, об окрестностях Томилина (танцплощадка в Малаховке, купание в Краскове – воробью по эти, как их?), о преподавании языка в Морисе Торезе, который во времена Зенковича обзывали английской аббревиатурой – Эм-Джи-Пи-Ай-Ай. На этом этапе разговора Зенкович узнал еще одну подробность, может, самую существенную для объяснения ее отличий от путевочной массы: Надя работала с иностранцами. Где-то в системе обслуживания, не важно где, важно, что это был уже другой мир, куда ступала нога человека из не нашего мира («У меня в основном негры, арабы, все время норовят комплимент сделать или назначить свидание, а уж щедры, щедры, на Международный женский меньше чем на сто рублей никогда подарок не сделают, но, конечно, морально утомительно, все время на людях, надо себя в порядке держать, причесочка, то-се, все-все»).

Поговорили о предстоящей скуке («Может, нам языком заняться – вы мне испанский, я вам английский, для общения – французский». – «Ой, что вы, на работе уже надоело, так иногда хочется плюнуть на все и по-русски заговорить, а не плюнешь, не дома. Но заняться, все же, конечно, можно. Что б с пользой...»). Поговорили также о путешествиях и

красотах Крыма («Я бывала только в Гурзуфе, в Никитском саду и в дегустационном зале: что за отвратительная манера давать вино без закуски»). Конечно, разговор их не вышел на уровень того диалога, полного полунамеков и недоговорок, который Зенкович с таким блеском, за двоих, вел вчера на скамейке над морем, однако даже самому неукротимому из мечтателей раньше или позже приходится вносить в свои мечты поправки на реальность. И все же это ночное знакомство сулило некоторые вполне реальные морально-физические радости и могло хотя бы отчасти примирить Зенковича с тяжкими коммунальными условиями обобществленной княжеской «альгамбры». Желая поднять предстоящее увлечение на самый высокий уровень, Зенкович удержался от низкого соблазна нынче же увести Надю на ничью территорию, скрытую от корпусов колючим кустарником. Набивая в собственных глазах цену предстоящему роману, он принял решение повременить. К тому же он слегка опасался диалога, которым чревата была сцена соблазнения («Что, сразу? Я никогда сразу... Ты плохо обо мне думаешь... Может, лучше завтра? Ну, завтра с утра. Ну, хорошо. Но не здесь же...» — «Ничего я плохого не подумаю, и зачем терять благодатные ночные часы? Наша жизнь короткая такая. И чем здесь плохо?»). К тому же надо признать, что дорога и тщетные попытки уснуть настолько утомили Зенковича, что он не ощутил еще настоящей необходимости...

Разошлись они далеко за полночь, пообещав друг другу

дружить, победить скуку, заняться языками, пойти погулять по Царской тропе (более укромных мест в этой части Крыма Зенкович не мог припомнить), сходить в кино, в кафе «Ласточкино гнездо» и даже на танцы.

Двадцатая палата уже утомилась. Изредка вскрикивал во сне один из участников пира. По временам кто-нибудь проходил в туалет, гремя башмаками. Громкоголосый рассказчик хрипел, уткнувшись лицом в подушку. Может, ему снились суровый Петрущенко или начитанный Дгацпхаев...

Зенковичу тоже приснилась служба. Его вызвали в штаб полка и сообщили, что его увольнение в запас было ошибкой. Пусть он немножко послужит еще, самую малость. Это чепуха, сущая чепуха... Он-то знал, что это не чепуха, однако ему никак не удавалось объяснить им, что это вовсе не чепуха, точнее, для них чепуха, а для него – нет. Он мычал, маялся, он ждал пробуждения. Потом ему приснилась вольнонаемная машинистка из штаба полка. Она была, конечно, похожа на нынешнюю Надю, и она улыбалась ему многообещающе, однако явился черный, худой Дгацпхаев и, не стесняясь присутствием Зенковича, стал снимать с нее джинсовую юбчонку...

Чьи-то ботинки прогрохали между койками совсем рядом и стихли вдали в туалете. Зенкович проснулся, увидел в окно синее южное небо, вспомнил сон, улыбнулся и решил, что доспать можно на пляже...

На пляже ему, впрочем, поспать не удалось. Сперва мат-

рос не соглашался выдать лежак. Потом бодро заиграл баян, и на пляже началась физзарядка. Зенкович, в принципе считавший зарядку очень полезной для здоровья, вдруг вспомнил срочную службу и малодушно спрятался за скалу: в армии зарядка была одним из самых тяжелых наказаний божьих. В конце концов ему дали лежак, однако уснуть он так и не смог. Лежак оказался жестким, солнце еще не вышло из-за бетонированных скал, и на пляже было зябко. Зенкович начал восхождение вверх по лестнице, надеясь закончить его к завтраку.

Во время завтрака объявили, что тридцать шестая группа отправляется на экскурсию для осмотра «Ласточкина гнезда». В экскурсионном автобусе Зенкович увидел Надю. Она сидела рядом с худощавым инфантильным юношей и говорила ему что-то на ухо, интимно-безрадостно и сердито. Группа высадилась возле смотровой площадки. Над морем нависло свежеставрированное игрушечно-готическое «Ласточкино гнездо». Рядом с ним кроваво алели автоматы для газировки. Экскурсовод торжественно сообщил, что «Ласточкино гнездо» построено еще в конце прошлого века и находилось в аварийном состоянии до тех пор, пока бригада видных советских архитекторов и реставраторов... Экскурсовод так важничал, будто он демонстрировал им чудеса Софийского собора в Новгороде или Пизанскую башню. Он предложил подойти поближе для детального осмотра памятника. Отсчитывая ступени, Зенкович думал о том, что



в древнем Крыму игрушечная архитектура периода дачного освоения Южного берега (в обиходе – ЮБК) в глазах курортника затмевает всю прочую «доисторическую» жизнь. Зенкович насчитал уже двести ступеней, когда его догнала Наденька. Призвав на помощь свою гордость, он не стал спрашивать, кто был мерзкий инфантильный юноша из авто-

буса. Надя заговорщицки коснулась его руки, капельки пота соблазнительно поблескивали на ее коротеньком носике, обещая привычное, но еще не наскучившее Зенковичу блаженство. Конечно же, она была в восторге от творения дачных архитекторов, и восторг ее еще увеличился, когда обнаружилось, что, подобно всем прочим шедеврам крымской архитектуры, «Ласточкино гнездо» служило также питейным заведением. Зенкович и Надя выпили омерзительно сладкий коктейль, от чего непьющий Зенкович сразу изловил свой кайф. Что до Наденьки, то она и без выпивки пребывала в счастливом возбуждении и без конца хватала Зенковича за руку, а во время бесконечно долгого подъема к шоссе вдруг обняла его сзади за талию.

Они строили планы на вечер: сперва они займутся французским, потом посидят в прибрежном кафе, а на закате пойдут гулять по Царской тропе (на это последнее мероприятие оба они возлагали особые надежды). В разгар беседы Зенкович заметил давешнего инфантильного юношу, который следил за ними издали, неудобно выворачивая голову. Зенкович спросил, кто этот юноша, изо всех сил стараясь, чтобы

вопрос его прозвучал как можно небрежнее. Она тоже отвечала небрежно:

– А-а, это? Мой муж.

– Как это... муж? – оторопело спросил Зенкович.

Наденька махнула рукой:

– Я как знала, не хотела вместе отдыхать ехать, но потом уж так получилось... Но он так себя здесь ведет, так ведет... что это вообще не имеет значения.

– Как он себя ведет? – с надеждой спросил Зенкович.

– В шахматы все время играет, вот как! – возмущенно сказала Наденька. Зенкович снова поймал на себе неприязненный взгляд Надиного мужа и сообщил, что все это ему неприятно. Надя принялась с жаром убеждать его, что он не прав, однако Зенкович остался при своем мнении. Он сказал себе, что ему, в сущности, жаль мужа, и это была чистая правда. Он испытывал смешанное чувство жалости к мужу и неловкости. Да, да, это было некрасиво и к тому же небезопасно.

– Может, вы разведены? – предположил Зенкович.

– Ах, мы только недавно записались... – сказала Надя со вздохом. – Но как это все оказалось не похоже... Я-то, наивная, думала... У него в семье какие-то все дипломаты, видные люди. Но все оказалось так не похоже...

Зенкович мог, конечно, догадаться, что было не похоже на что, она просто должна была его просветить. Брак был не похож на ее представление о браке. Дипломаты и видные люди

жили по своим дипломатским недипломатическим правилам, не похожим на Надины представления о жизни высшего общества. При ближайшем рассмотрении общество этих людей оказалось ничуть не выше захолустного томилинского общества, а временами не дотягивало и до этого уровня. Что касается самого мальчика-мужа, то он, видимо, скоро заскучал и уже ничем больше не напоминал восторженного мальчика-поклонника, каким был до утраты своей постылой невинности.

Зенкович мог бы и сам догадаться обо всем, мог бы почувствовать Наде, ее мужу и себе, неудачнику, однако он не мог не чувствовать, что просто не сможет продолжать этот многообещающий роман на глазах у мальчика-мужа... Трудно было объяснить все это Наде, однако Зенкович собрался с силами и все объяснил.

Когда он вернулся в свою двадцатую палату, там уже скидывались на новое торжество. Он со страхом стал ожидать ужина, после которого был обещан фильм, изготовленный в ГДР. Будущее казалось беспросветным. И вот тут постылое радио вдруг стало читать объявление о походе. Зенкович прислушался. Радист перечислил достопримечательности каньона, включавшие «дерево жизни», «источник молодости» и «остров любви». Кроме этих неизбежных туристических объектов маршрут включал также пещерный город Кармин-кале. Пещерных городов Зенкович еще не видел. Он с ранних лет любил ходить на экскурсии и в походы, однако

на сей раз поход обещал ему также избавление от двадцатой палаты. Зенкович вскочил с койки и пошел искать старосту группы, которая должна идти в поход.

Староста был крупный и краснолицый полковник, встретивший Зенковича с неподдельным, хотя и слегка проспиритованным энтузиазмом.

– Первым тебя записываю. После себя! – закричал он. – Зинкович? Зен? Хай будет Зен... Та и пишем. Как группу наберу – устроим собрание... Слушай радио. Объявим.

\* \* \*

Зенкович обошел в тот вечер пешком пяток прибрежных санаториев. Он взбирался по крутым лестницам, слушал среди черных зарослей крики массовиков-культурников, усиленные микрофонами, и любовные крики отдыхающих пар. Он так нагулялся, что даже расширенная попойка в двадцатой палате и новая серия воспоминаний о Петрущенке и замполите Дгацпхаеве не помешали ему уснуть. Засыпая, он думал, что, может быть, эти вот близкие к казарменным условия и есть один из методов лечения бессонницы... Проснувшись он, впрочем, задолго до рассвета, когда верный питомец Дгацпхаева, громко рыгая и гремя ботинками, отправился в туалет. Лежа без сна в предрассветном сумраке, Зенкович успокаивал себя рассуждением, что, может, и этот опыт окажется ему в конечном счете полезен. Во всяком случае, это

было нечто новое. А то можно и забыть, что еще существуют такие вот стокоечные покои для культурного, но беспокойного отдыха... Зенкович был неисправимый идеалист и оптимист, изъяснявшийся (иногда не замечая этого сам) на языке своего времени и отечественной прессы. Наблюдая, скажем, священнодействия кишлачного муллы, врачующего больного, сбор калыма, вручение взяток или тяготы сибирских строителей, живущих в вогончиках-балках, Зенкович приходил в прекраснодушное изумление и удивлялся, что «такое еще существует у нас, в наше время». При этом он не мог бы с точностью указать, что же, по его мнению, должно реально существовать «у нас» и «в наше время». Он не имел на этот счет никаких собственных догм...

Дождавшись восхода солнца, Зенкович ушел на пляж и там подремал еще час или два на жестком лежаке, с упоением думая о предстоящем походе. В полдень он отправился на первое собрание группы. Он с некоторым смущением увидел там Наденьку с мужем, а также молодого соседа по палате, которого привык называть про себя питомцем Дзацпхаева. Рядом с краснолицым, громогласным старостой сидел черномазый, спортивного вида юноша в фирменной маечке, с замысловатым черным ремнем, поддерживавшим болгарские джинсы, отороченные снизу самодельной бахромой. Это был инструктор группы, профессиональный мастер культурного отдыха и один из кузнецов той огромной кузницы здоровья, что протянулась ныне по всему берегу Кры-

ма («Мы кузнецы, и дух наш молод – куем мы счастья ключи». Может, «счастья мечи». Не важно). Инструктор сказал, что его зовут Марат, просил любить себя и жаловать, другими словами, держался с ним запросто, ничем не подчеркивая свое исключительное, совершенно выдающееся место в этой группе мужчин и женщин. Конечно, призыв любить его и жаловать был проявлением излишней скромности или даже кокетства – кого же еще было им любить и жаловать, как не своего временного начальника, своего предводителя, руководителя и благодетеля, который к тому же оказался таким веселым, молодым и остроумным (призыв любить и жаловать был встречен дружным смехом, свидетельствующим о том, что контакт с группой установлен). Это он уводил их с турбазы в неведомые, манящие дали...

Инструктор сказал, что завтра с утра они отправятся в автобусе на место своей первой дневки. Ах, дневки, ах, ночевки, до чего прекрасны эти полувоеенные слова! Он объяснил, что они должны собраться после завтрака одетые соответствующим образом и что он предоставляет слово старосте, у которого есть для них сообщение особой важности. Староста, многозначительно подмигнув, предложил им сдать по пятнадцать рублей на горячее, по три на дополнительную дорогу, по пять на фотографа и по четыре на культрасходы. Туристы с готовностью полезли в карман. Зенкович сделал это без особого энтузиазма, и его тоже можно понять. Во-первых, он не пил; во-вторых, он не предвидел никаких

экстраординарных культурных нужд; в-третьих, он вовсе не хотел фотографироваться, а в-четвертых, он мог бы обойтись без дополнительного транспорта. Он отметил про себя также, что этот непредвиденный расход составит часть, и довольно большую, суммы, ассигнованной им на отдых. В то же время он не мог не отметить, что среди прочих туристов эти поборы не вызвали никакого смущения. Во-первых, большинство из них получило свои путевки бесплатно или почти бесплатно и теперь искало применения деньгам, ассигнованным ими на отдых и веселье. К тому же люди эти понимали, что большая часть их денег должна так или иначе уйти на пропой. А главное... Главное... Зенковичу пришло в голову, что его столь прекрасная, столь постоянная, в сущности, традиционная скорбь интеллигента по поводу народной скудости – это всего лишь благородная, но устаревшая эмоция. Интеллигенты давно уже сами переняли у народа эстафету скудости. Они не позволяли себе больше ни грандиозных попоек, ни новейших автомашин, ни огромных телевизоров, похожих на окно дачного сотира, с «видиками». Представители низшего сословия давно уже могли бы дать интеллигенту на чай, и если порой забывали это сделать, то лишь по небрежности, по рассеянности или потому, что свято верили в пользу бесплатного просвещения и бесплатного здравоохранения... Отягченный этими размышлениями, Зенкович вынул из кармана двадцать семь рублей и со вздохом передал их мордастому старосте.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.